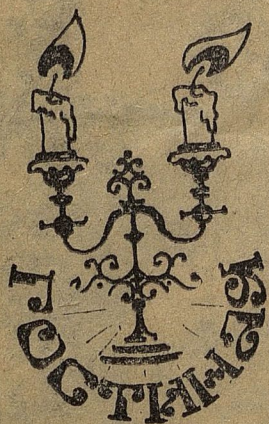

Вырезка из газеты

КАВКАЗСКАЯ
ЗДРАВНИЦА

30 Дек 1978

г. Пятигорск

Биография моя простая. Я — москвич, учился в Москве, и все у меня в столице: жена, сын, все, чем я живу. Как я стал артистом? Кто и почему кем-то становится — не объяснишь сразу. Вот мой

БЫТЬ АКТЕРОМ...

товарищ Даниеля кончал архитектурный институт, а сейчас? Так и у меня. Работал на заводе. Был токарем, а все-таки поступил в театральный институт. Почему? Я не знаю. Наверное, меня тянуло искусство, наверное, все-таки была какая-то мечта. И вот теперь — артист театра и кино...

Это очень здорово, что вы так любите нас, артистов. Мы всегда рядом с вами — в кинотеатрах, в телевизоре, над диваном в квартире, в киосках продаются навалом — по 23 копейки, да все в комплектах, красивые, сразу и не поймешь, кто красивее: Крамаров или Леонов.

Понятно, столько фильмов мы сейчас снимаем: телевизионных, художественных, талантливых и не очень — как же тут артисту незамеченным остаться? Особенно комикам достается — деваться некуда. Недавно был в Севастополе, и всего-то два дня, но хватило мне их, чтобы простудиться насморком. Иду к гостинице, два товарища навстречу. «Глянь! — один кричит. — Леонов идет». «Да где?» — «Да вот же, вот. Что это его перекусило?», — спрашивает один другого. Да, им смешно. А у меня флюс. Лицо набок, переживаю. «Что с него возьмешь», — отвечает другой. — он же комик». Нет, все-таки что ни говорите, а к комикам зрители относятся благосклоннее.

Правда, путают нас сейчас. Мы немножко примешивались — группами, объединениями, косяками снимаемся, и бродим толпами в своих комедиях: толстые на толстых, худые на худых похожи. Вот я в Москве на завод приехал, в проходную не войти, дядька такой суровый стоит, рассматривал меня долго, потом говорит: «Ты что ли это?». Я говорю: «Я это, да». Тогда он говорит: «Родной, как я тебя сразу не признал, Пуговкин? Проходи».

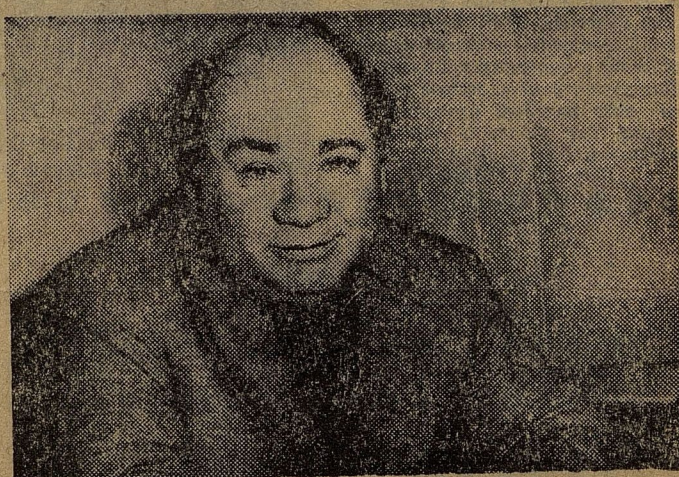
Я понимаю, такая любовь к искусству, что и неважно

Гаснет свет в зрительном зале. Яркий луч прожектора выхватывает на сцене фигуру человека. Милый, чуточку с хрипотцой и мягким юмором голос. Добродушный и в то же время веселый, печальный и радостный через мгновение — да это, несомненно, он, Евгений Леонов. Зал то и дело взрывается аплодисментами. А потом смех и переживания, грусть и радость от общения с ним, добрейшим человеком, замечательным актером театра и кино...

Сегодня Евгений Павлович Леонов, лауреат Государственной премии, лауреат премии Ленинского комсомола, народный артист СССР — наш гость.

теперь, с кем тебя спутали. Наверное, для удобства, чтобы нас зрители разделили по компаниям. И «новичка» в ней примечают сразу. В свое время мы привезли в кинотеатр «Россия» на премьеру «Джентльмены удачи». Зрителей много, мы боком пробираемся, нас, естественно, увидели, кричат: «Браво, комики ведут, Вицын, Крамаров... А Леонов чего там затесался?». На него заикались, кто-то стал объяснять: как чего — ра-

успокоишь: меня ведь все комиком считают. Да, я по профессии комедийный актер. Но не раз пробовал себя и в другом амплуа. А почему не попробовать? Где-то «провалишься» в новой роли, ну и что же? А мне нравится, когда дерзают в кино, в театре. Когда неожиданный репертуар. Меня по театру мало знают, а я ведь там сыграл больше серьезных ролей, чем комедийных. И они мне очень дороги. Вот в нашем театре вышел но-

бotaют, видно, люди, обновляются. Моргунова Леоновым заменили, новую «шайку» организовали.

Да, прекрасная это профессия, приятная — быть актером. Но и трудная очень, сложная. Нервы, нервы, нервы — сердце, сердце, сердце: каждый день, всю жизнь. И зритель порою не позволяет тебе жанру измениться. Вот мучается сейчас артист Тихонов. Недавно мы с ним ехали в одном поезде — популярность, говорит, замучила. Причем вроде я уже не Тихонов, говорит, а Штирлиц. Из Ленинграда не мог выехать — поклонники вагон обступили и скандируют: «Штирлиц!», «Семнадцать мгновений весны!» Попробуй сейчас сыграть на его месте что-нибудь «несерьезное», к примеру, сыграть в «Джентльменах удачи» — такое тут поднимется. Он сыграет, он артист отличный, но ведь многие скажут, особенно женщины, — зачем? Вы красивые, вы душка, у вас глаза голубые, вы шпионов ловите — и ловите, а «морлаг» пусть Леонов выкальвает.

Или мне предложить роль Отелло сыграть. Уверен, выйду на сцену, скажу, дескать, где ты тут, Дездемона, сейчас я тебя придушу — зал от хохота три часа не

вый спектакль — «Вор». Он многим нравится, многим — нет. У меня здесь тоже серьезная, я бы сказал — трагедийная роль. Попробуйте достать на спектакль билет — значит, все-таки большинству он нравится. А ведь здесь непривычно все. И сюжет странный: внешне — ничего, а все внутри. За сердце хватает. И молчит зал, переживает и плачет, пока идет эта философская притча не про вора вовсе, а про дом, про семью, начисто развалившуюся после маленького испытания. Да... Разные роли должны быть. И разные спектакли. В искусстве интереснее, когда можно спорить, — и вкус совершенствуется, и истина рождается.

А разве не повезло мне сыграть в «Старшем сыне» по Вампилову? В «Первом курьере». В «Донской повести». В фильмах «И это все о нем», «Премия». В ролях серьезных, подчас драматических. Я горжусь, что среди моих фильмов есть «Белорусский вокзал». В нем так удачно все соединилось — хорошая литература и тема благородная: дружба, фронтовой кровью спаянная. Моего героя придумал автор, и вроде бы мой герой — очень простенький человек Ванька Приходько, работяга, слеса-

ришко, в потертой тужурке... А в фильме по крупницам собрался образ, и выясняется — не простенький он вовсе, а великий в своей простоте в щедрости душевной, он из тех, кто войну прошагал и Родину защищал. Из тех простых, незаметных героев. И такие роли всегда интересно играть.

Вот так-то. Лично я никогда бы не брал на себя право раздавать оценки, дескать, вы эту роль не сыграете. Потому что в искусстве нельзя быть категоричным...

Я дорожу своими серьезными ролями. Памятны мне и комедии, много их у меня было: «Не горюй» и «Афоня», «Зигзаг удачи» и «Джентльмены удачи», «Зареченские женихи» и «Соло для слона с оркестром» и другие. Но особенно памятен мне «Полосатый рейс», после которого я по-настоящему понял цену жизни. Потому что в этой комедии одну проблему решали мы на протяжении всего фильма: сожрет нас это зверье или нет. Ведь столько приключений здесь было — и сейчас холодит в груди: это же не кто иной, а я бегал весь фильм от тигров и львов. Правда, не один я. Снимали на пляже «Аркадия». Люди загорают, отдыхают, а тут: сетка, милиция, пожарники — не подходи, опасно, звери. Вот тиграм и надоело Перемахули через сетку — и в разные стороны. Все бегут: люди и звери. А тигрица Кальва к ресторану. Там своя жизнь. Истопник ее увидел — и на кухню, где три котла и жена посередине, могучая женщина. А сзади тигрица. Истопник на печь — и давай пританцовывать. А жена в узкое окно умудрилась выпрыгнуть. Просили повторить — не получилось. Одно слово — комедия...

Ну вот мы с вами разговорились, уже скоро и Новый год, а мне еще в Москву добираться. Нет, в нынешнем «Новогоднем огоньке» я не участвую, буду встречать праздник в кругу семьи. Ну, естественно, без пяти двенадцать буду думать о том, чтобы не пропустить куранты. А потом — что было хорошего, что получилось, что удалось в прошедшем году. Еще — о ролях, о друзьях, о доме — все вперемешку. Год был обычный, трудовой. Я снялся в картине «Смешные люди», в двухсерийном телевизионном фильме «Обыкновенное чудо». А в будущем году меня ожидает новая работа: съемки в фильме А. Смирнова «Верой и правдой», в комедии Г. Даниеля «Горестный плут», и в польском фильме, у которого пока нет названия. А в театре начнем репетировать пьесу «Фальстаф». Так что все уже расписано.

Ну вот, а теперь до свидания...

Монолог гостя записал
В. ЛАТКИН.